

Ю. В. Манн

Гоголь между западниками и славянофилами: опыт примирения

Гоголь, как известно, неоднократно обращал свое внимание на весьма злободневную в его время коллизию – славянофилов и западников. При этом логично и естественно было ожидать от него поддержку первых (то есть славянофилов) и осуждение вторых (то есть западников). Но в действительности все вышло сложнее.

В статье «Споры» (вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями») решительно заявлено, что «с обеих сторон выговаривается весьма много *дичи*». Обращает на себя внимание бескомпромиссность оценки. *Дичь* у тех и у других. Значит, никто не может считаться абсолютно правым – «все эти *славянисты* и *европисты*, или же *староверы* и *нововеры*, или же *восточники* и *западники...*» (VIII, 362). Некоторая утрировка имен (славянисты, европисты...) ассоциируется с ограниченностью точки зрения этих деятелей: каждый видит только часть предмета. И хотя «правды больше на стороне славянистов и восточников», но в то же время на стороне тех же славянистов больше «кичливости»: «...они хвастуны; из них каждый воображает о себе, что он открыл Америку...» (VIII, 362).

Следовательно, должна быть найдена более надежная и располагающая к объективности основа суждений, и такую основу Гоголь находит. Это философская школа немецкого классического идеализма: Кант, Шеллинг, Гегель, Окен. Некоторая неожиданность – встретить подобный перечень высших авторитетов именно у Гоголя – уже отмечалась. Но все ли подмечено? Все ли понято? Случайно ли, например, то, что перечень начинается у Гоголя с Канта?

Примерно в то же время заслугу Канта объяснял Николай Станкевич: «До Канта философия была только поэзия или пустая диалектика; с Канта она стала наукою, ибо исследованием умственных способностей положил он ей прочное основание»¹. Не удивительно было услышать это суждение от человека, целенаправленно и профессионально занимавшегося философией. Но оказалось, что и Гоголь, отталкиваясь от того же Канта (а также Шеллинга, Гегеля, Окена), приходил к сходному выводу: все они «обработывали науку, облекая ее точными определительными терминами, анатомически дробя, разделяя и соединяя в единство великую область мышления...» (Рецензия, написанная в 1836 г. для пушкинского журнала «Современник»; VIII, 204). «Наука», иначе говоря, «философия» – категория высшего порядка, она способствует пониманию таких явлений, как «славянофильство» и «западничество». «И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание», – так завершает Гоголь эту рецензию (VIII, 205).

Возникает вопрос: откуда у Гоголя такие сведения в области философии? Ведь вот Станкевич, прочерчивая линию от Канта к современности, сделал оговорку: «Гегеля я еще не знаю»². Тем более **еще «не знает»** Гоголь! Но «не знает» в определенном, личном смысле, в смысле систематического изучения. Однако это не мешало ему впитывать ту атмосферу любознательности, которая сделалась признаком времени. В Нежинской гимназии высших наук она установилась стараниями высоко ценимого Гоголем профессора Н. Г. Белоусова, направлением интересов ряда воспитанников, в частности Нестора Кукольника³. Позднее же, после переезда Гоголя в столицу, такой же определенный философский настрой пробуждался и поддерживался в нем журналами – в частности «Московским вестником» и затем особенно «Телескопом». Укажем в связи с этим на статью Н. И. Надеждина о Бахмане (1832), пронизанную уже знакомой нам решительной интонацией в отношении Канта: «В Германии Кант превратил совершенно систему мышления, подкопав до основания *опыт*, владевший дотопе всеобщою доверенностью, и заставив, как новый Коперник, вопреки общему верованию, обращаться не понятия вокруг вещей, а вещи вокруг понятий», – и потому обоснованы такие выражения, как «революция, произведенная Кантом»⁴.

И тут – еще одна неожиданная, парадоксальная параллель. Оказывается, применительно к России первенствующая роль Канта сопоставима с ролью Петра Первого!.. И тот и другой – зачинатели великого новаторского процесса, в случае с Петром I именуемого европеизацией. И это сделалось возможным, потому что уже стала очевидной общеевропейская и в определенном смысле мировая схема движения общественно-социальных и, соответственно, эстетических факторов. Иначе говоря, проявилась идея эволюции художественных форм (или стадий, или этапов): начиная с символической (Древний Восток) – к античной (классической) – через европейскую (романтическую) – наконец, к новоевропейской (по более поздним определениям – к реальной, реалистической). Одновременно эта схема апеллировала к логической модели, построен-

ной с помощью триады, то есть тезиса, антитезиса и синтеза, где синтез – это именно новое искусство.

Как и в случае с Кантом и следующей за ним плеядой деятелей немецкой классической философии, предельно четкую оценку заслуг Петра I произнес Надеждин. «Ему [Петру] тяжело было ждать, пока медленным действием природы дитя укрепится и само раздвинет свою тесную сферу <...> И вот одним взмахом могучей руки бросил он это дитя на шумное раздолье Европы, прорубив мечом глухую стену, за которой оно скрылось! Велики были следствия этой крутой меры!.. Россия сдвинулась с Востока – и примкнула к европейскому Западу!..»⁵ Смысл этой оценки не количественный, а качественный. Речь идет о смене вектора, приобщении к западноевропейской, а следовательно мировой линии движения. Эта перемена равносильна революционному ходу. Отныне символика прорубленной стены или окна становится ходовой (у Надеждина – «прорубив мечом глухую стену», 1836; еще раньше у Пушкина – «в Европу прорубить окно», 1833; и т. д.).

Оценка Петра становится и показателем размежевания западнической и славянофильской идеологии.

Так, Иван Киреевский еще в дославянофильский период своего развития заметил: «...Говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называем его [Петра I] ...основателем нашей новой жизни и родоначальником нашего умственного развития»⁶.

С. Шевырев, в молодые годы еще далекий от официальной идеологии, писал: «Потребен был Петр Первый, чтобы перевести нас из седьмого тысячелетия неподвижной Азии в 18-е столетие деятельной Европы...»⁷

В. Белинский подошел к этому с позиций западнической историографии: «Для меня Петр моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России»⁸.

С другой стороны, типично славянофильское решение проблемы продемонстрировано Константином Аксаковым: признаются сила и решительность Петра, но направление его усилий считается вредоносным, – хорошо, что наконец-то пришло время его выправить: «Оторваны могучею рукою, / Мы бросили отечество своё» («Возврат на родину», 1845). Это именно возвращение к прежнему неевропейскому и плодотворному пути развития («И взор вперен с любовью на Восток», «Пора домой...»⁹).

А Гоголь? Обновление России протекало под знаком петровских реформ – это одно из главных его убеждений. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (включенной в «Выбранные места...») сформулирован тезис: «Крутой поворот был нужен русскому народу, и европейское просвещение было огниво, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массе <...> Всё в молодом государстве пришло в восторг, издавши тот крик изумленья, который издаёт дикарь при виде навезенных блестящих сокровищ» (VIII, 370). Нельзя при этом не обратить внимание на сверхдерзкое сравнение, примененное Гоголем: подумать только, русский человек – «дикарь», из-

дающий от неожиданности нечеловеческие звуки... Не каждый западник (не говоря уже о славянофилах) решился бы на такую аналогию...

Заслуга Петра I – не просто успех (хозяйственный, политический, военный и т. д.), но смена направления в аспекте сближения его с западно-европейским курсом. Очевидно, это была типично западническая логика, и Гоголь в данном случае близок к ней.

И еще замечание Гоголя, словно имеющее характер личного признания: «...Государь Петр прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского...» («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”»; VIII, 289).

Обратим внимание и на другой принципиальный момент, служивший размежеванию славянофильской и западнической концепций старой и новой столиц. В то время новая столица нередко характеризовалась с помощью, так сказать, родственных сравнений и метафор. «На семьсот верст убежать от матушки!» – восклицает Гоголь в «Петербургских записках 1836 года» (VIII, 177). «Матушка» – это Москва. Убежавший сын – Петербург. Отношения их сложные, но все-таки родственные. У Константина Аксакова всё иначе. По свидетельству А. О. Смирновой-Россет, он как-то дал такой совет брату Ивану: «Приезжай к нам в Белокаменную; ненавистен этот побочный город, прижитый с Западной Европой»¹⁰. Вот так! Петербург – плод внебрачных связей, разврата...

Очевидно сближение Гоголя с западниками во многих вопросах, но это не значит, что он с ними совпадает. Он неизменно выражает свое, гоголевское миропонимание, когда перед ним и соответственно перед его читателем приоткрывается весь драматизм исторического процесса. С одной стороны: «Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи», – с другой стороны: «Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается» (статья «О преподавании всеобщей истории»; VIII, 26). Но в истории, свидетельствует Гоголь, как и в частной жизни, сплошь и рядом происходит утрата «колец» – событие, ведущее к непредсказуемым последствиям.

Поэтому, по Гоголю, наряду с тенденцией к обобщению неумолимо прокладывает себе путь стремление к обособлению, самостоятельности, суверенности, деструктуризации. В мировой культуре Гоголь – один из тех, кто наиболее остро ощутил этот процесс, – открытый, но часто и подспудный, а иногда и не определяемый по своей природе. Отсюда особая роль у Гоголя таких художественных образов, как *граница*, *пограничная ситуация*, *рубеж*, *порог*... и образов, заведомо многозначных! Уже при первом приближении каждый из них обнаруживает неожиданные смыслы: обещано нечто определенное, обособленное (граница!), но получается, что каждый раз возможно ее сдвигание.

Вот эпизод из «Мертвых душ»: Чичиков обманывает ожидания понытчика в отношении женитьбы на его дочери. «Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор пошло легче и успешнее» (V, 331). Но с развитием действия (особенно в перспективе второго тома) становится очевидным, что возможны и будут явлены *пороги* и постраш-

нее. Ни персонажи, ни повествователь не могут ни за что поручиться заранее, снятие запретов или выдвижение новых приобретает спонтанный характер. Перед нами «двусмысленные и двойственные свойства “порогового” человека, выскальзывающего “из сколько-нибудь устойчивой сети классификаций”»¹¹.

С характером порогов связана специфика гоголевского страха. Страшна не только мера, сила, возрастание опасности, но еще больше ее неопределенность, неизвестность, немотивированность, непредсказуемость, порождающие тот вид страха, который Сёрен Кьеркегор обозначает словом *Angst* (в отличие от *Furcht*). Кстати, различные грани, оттенки, модификации этого вида страха интересно рассмотрены в недавно вышедшей в Чехии книге «Н. В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен» (2015) и – особенно – в помещенной там статье В. Поздеева «Пространство страха и страх пространства в произведениях Гоголя»¹².

Еще два слова о пороге. Прием **порога** допускает различные решения, подсказанные гоголевским образом. Это или взгляд в *пределах* порога, определенной территории или помещения, или взгляд *через, сквозь* порог, на более широкое пространство, в дальнюю даль. На английском языке это понятие особенно выразительно – например, в названии статьи «*Perspective from the Threshold: the Troika of Dead Souls*»¹³. Во втором случае (через, сквозь порог) невольно замечаются такие гротескные детали, как *тройка мертвых душ*, или же когда под знаком «порога», то есть вхождения в иной мир «за порогом», сблизены финалы первого тома «Мертвых душ» и «Тараса Бульбы»¹⁴.

Рассмотрение гоголевского творчества в контексте современных ему тенденций, и прежде всего славянофильства и западничества, демонстрирует интересный процесс: неизменно критическое отношение Гоголя к каждому направлению сочетается с их приятием в целом, стремлением «сохранить отношения». Тут проявляется и род дипломатии: при несходстве позиций, писатель передавал свое мнение, скажем, А. И. Герцену или И. С. Тургеневу (крупнейшим представителям западничества) через второе лицо и притом заочно. Такая роль в 1847 г. дважды выпадала Анненкову – в отношении к Тургеневу («Изобразите мне... портрет молодого Тургенева... Талант в нем замечательный...») и Герцену («...О нем люди всех *партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время». – XIII, 385). Под понятие «партия», весьма широкое, вполне подходит и такая общность, как «западничество» и как «славянофильство».

При этом являемая порою Гоголем тенденция к примирению тоже весьма своеобразна. Она выражается в стремлении встать *над* тем и другим направлением, выражается в обнаружении преходящего характера и уязвимости любых ответов и, следовательно, любых направлений. Поэтому она, эта тенденция, сама временная и в то же время постоянная, то есть такая, которая постоянно возникает и требует возобновления исканий.

Примечания

- ¹ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. М., 1914. С. 338.
- ² Там же.
- ³ Богатый материал в этой области предоставляет вышедшая недавно книга: Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: антология мемуаров / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. СПб., 2014.
- ⁴ Цит. по изд.: *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 309. Курсив автора. – Ю. М.
- ⁵ Там же. С. 413.
- ⁶ *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 96.
- ⁷ Московский вестник. 1828. № 1. С. 62, 64. Подробнее о позиции Шевырева см.: *Манн Ю.* Русская философская эстетика. М., 1998. С. 204–205.
- ⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XII. С. 433.
- ⁹ Поэты кружка Н. В. Станкевича, М.; Л., 1964. С. 390, 391.
- ¹⁰ *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. (Серия «Лит. памятники»). С. 231.
- ¹¹ *Кривонос В. Ш.* Гоголь. Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. С. 146.
- ¹² *Поздеев Вячеслав.* Пространство страха и страх пространства в произведениях Гоголя // *Пехал Зденек, Зырянов Олег и колл.* Н. В. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен. Olomouc, 2015. С. 101–114.
- ¹³ *Detsch Judith.* Perspective from the Threshold: the Troika of Dead Souls // *Ulbandus Reviero.* 1986. № 5.
- ¹⁴ *Detsch Judith.* Dead Souls. Threshold to Another World (AATSEEL, 1984) // *The Gogol Bulletin.* 1985. № 1. P. 19.